

Александр КОЧУБИНСКИЙ

ЧАСТНЫЕ МОЛДАВСКИЕ ИЗДАНИЯ ДЛЯ РУССКОЙ ШКОЛЫ. (БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)*

I

Крупная полоса земли, базис которой – песчаный и озерный берег Черного моря от устья Дуная (Килийское гирло или «жерело») до устья Днестра, тянущаяся сначала широкой, затем все более и более суживающейся лентой, почти в вертикальном направлении от юга на север, между светлых вод излучистого Днестра и голубых вод быстрого Прута (на юге эта полоса в 150 верст, а на севере в 30-40), образует нашу пограничную на юго-западе Бессарабскую губернию или, как принято говорить в общезнании, Бессарабию. Но, с точки зрения истории или исторической географии, термин «Бессарабия» отнюдь не охватывает всего того пространства между Днестром с востока и Прутом с запада, которое мы называем Бессарабской губернией.

Нынешняя Бессарабская губерния, что касается вида или формы ее поверхности, распадается на две неравномерные и непохожие своими физическими чертами части. На юге между нижним течением Днестра и Прута – грандиозная, волнистая, лишенная леса степь, та степь, которая в летние месяцы производила такое же чарующее впечатление на наших первых военных топографов, вскоре после присоединения к империи Бессарабии, какое, немного позже, на великого польского поэта, вырвавшая невольно из груди его не просто восклицание-междометие, а восторженный привет в изящном сонете – «Я выплыл на простор сухого океана, Повозка в зелени ныряет будто челн»... И я в моей юности не раз этот широкий «сухой океан» переплывал в такой же повозке - в конце 50-х и начале 60-х годов прошлого столетия, и в моей памяти неизгладимо запечатлелась та же картина, «благоуханной долины», необъятного цветистого ковра, ковра совсем в молдавском стиле. Теперь, с необыкновенным умножением населения, все перепахано, и от былой степи одно воспоминание, предание, легенда (по последним статистическим сведениям, в одном Аккерманском уезде жителей 257 тысяч душ обоего пола).

Степная часть подымается на север от берега моря, где на сто, где и на несколько больше верст, до широкой, болотистой долины Ботны, притока Днестра на востоке. Естественная граница степи на севере совпадает с расположением загадочного, так называемого верхнего Троянова вала,

* Статья была опубликована в рубрике «Критика и библиография».

который тянется почти горизонтальной линией с запада на восток от местечка Леова на Пруте до местечка Каушан у болот Ботны, вблизи Днестра – обстоятельство, которое определяет стратегическое, оборонительное значение самого вала. Внутри этой степной части идет целая серия параллельных рек, прорезывающих степь с севера на юг и впадающих то в соленые, то в пресные черноморские озера. Текут они медленно, среди низких, едва заметных берегов прекрасного чернозема, почему и вода в них черна, но в таких речках, как Ялпух, не высыхающая даже в сухое лето. Площадь истока всей этой сети степных рек явно отмечает северную границу степной или южной части нынешней Бессарабии и в то же время – южную границу ее второй части, а само направление течения их указывает нам на иной, нестепной, характер территории этой второй части.

Действительно, оставив «сухой океан», занимающий пространство всего Аккерманского уезда и отчасти уездов Измаильского и Бендерского, мы сразу вступаем на территорию совершенно иного характера. Перед нами на каждом шагу или горы, недавно еще покрытые богатыми, густыми лесами, прорезываемые глубокими долинами, недавно еще с богатым орошением, или белесоватые голые камни-скалы густой известковой породы. Как ни разнообразно расположение всех этих взаимно скрещивающихся горных отрогов, но они в своей совокупности образуют одну систему – водораздел Днестра и Прута и, представляя из себя последний юго-восточный отпрыск Карпатского хребта, на севере, за границей империи, примыкают к основному кряжу – к австрийской Буковине. Буковина – прямое, непосредственное продолжение Бессарабии: общая этнографическая и недавно еще историческая судьба обеих этих земель находит полное сочувствие в одинаковом географическом характере. Ниже мы встретимся и с общностью самого имени. Естественно, лесистые горы средней Бессарабии уже в первую нашу войну с Турцией дали себя неприятно чувствовать. «Чрез Кайнарские горы, - писал Миних, объясняя неудачу похода в Буджак, - переправляться весьма трудно... в гористых местах и снег стал показываться». Еще сильнее впечатление произвели они позже на Румянцева: «Натура, - доносил он, - столько необычайных высот с глубинами здесь поместила...»

Сама топонимия, географическая номенклатура второй, гористой части Бессарабии отмечает ее характер как территории, обилующей – до недавна – лесом, горами. Таковы местные имена Кодру, Кетрос, Гояна: первое от молдавского *кодру* - гора, дремучий лес; второе – от молдавского *кетрос* (вариант для прилаг. петрос) - каменистый; третье – от славяно-молдавского *гол*, откуда глагол голеск - оголять, обнажать, с законным, по свойству молдавского языка, пропуском мягкого главного *л* между гласных, т.е. Гояна – голое каменистое место, обнаженная гора, скала¹.

Если мы теперь обратимся к географическим картам нашей Бессарабии в старое время, к картам XVII и XVIII столетий, то нам не трудно убедиться, что из обеих частей ее только южная или степная последовательно и

неизменно носит название Бессарабии; вторая же часть края всегда обозначается или просто Молдавией, или с прибавкой – Запрутской. Ссылаемся на карты 1687 года («Totius regni Hungariae et adjacentium regionum Tabula... de novo correcta ac innumeris locis aucta per Nic. Visscher. Belgii Foederati» – «Bessarabia Tartari Bialogrodenses»), 1716 г. («Le Theatre de la guerre sur les limites de deux empires... par N. de Fer, a Paris»), («Le R. de Hongrie et les Etats qui ont este sujets... dresse sur les Memoires les plus nouveaux par le Sr. Sanson»), 1744 г. («Hungariae... Tabula a I. M. Hasio»), на которой северная часть нынешнего Аккерманского уезда и южная Бендерского выделены в особенную территорию – «Deserta inaquosa», и уже южнее этой пустыни, у моря, показана: «Bessarabia Tartaria Bielogrodensis Budziakensium sedes ad tempus») и многие другие².

Вполне понятно и вполне основательно наши первые топографы, производившие под начальством полковника С.И. Корниловича съемку степной части Бессарабии, спустя немного лет по присоединении ее к империи (1818-1822), свой обширный и ценный в географическом и статистическом отношениях труд назвали «Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой, или Буджака»³.

Что же касается второй или лесной части Бессарабии, то она у них слыла под именем Российской Молдавии. Понятно, что и на языке наших офицеров, во время турецких у нас войн при императрице Екатерине II, Бессарабия обозначала Буджак или степную часть. Так, полковник Сатин на письме императрицы от 1 декабря 1770 года сделал лагерную отметку: «получено 21 дня февраля (т.е. 1771 года) на квартирах в Безорабии в татарской деревне Еникию, близ местечка Татар-Бунару»⁴.

II

Население собственной Бессарабии или Буджака (по-татарски – «угол») было в XVIII столетии и в начале XIX, как показывают современные карты, многочисленное и однообразное: его составляли нагайские татары, очистившие край вслед за объявлением нами войны Турции в 1806 году. Густой сетью были расположены по «сухому океану» татарские хутора или кишла; многие названия их пережили своих хозяев и живут сейчас. Только в одном месте однообразие этнографической картины старого Буджака обрывалось: это вдоль правого берега нижнего Днестра. Здесь мы видим, как свидетельствуют карты старого времени, целый ряд поселений, одних и тех же на протяжении многих столетий, с славяно-молдавскими или чисто молдавскими названиями: Рыскайцы, Олонешты (Аланский?), Пуркары и др. От молдавских названий этих поселений позволительно заключать и к молдавскому населению в них, и встарь, как и сегодня, населению, которое в настоящую минуту (свидетельствуем из наших личных наблюдений) отличается крепостью сложения и чисто римским контуром черт лица.

Спорадически такие же молдавские поселки прилежали и к левому берегу нижнего Днестра, среди тех же татар, изредка даже углубляясь внутрь

края. Они тянулись далее по левому берегу Днестровского лимана и берегом моря через Кочубей, что ныне Одесса, вплоть до Очакова (Озу). Вблизи этих поселений шел и торговый тракт от Аккермана (Белгород) до Очакова. Миних после взятия Очакова в 1737 году, в заботе об устройстве православного прихода в новом русском городе у моря, доносил сенату, что и при турках в Очакове «для купечества довольно число греческого, *молтянского* и *волохского* народа бывало, которых впредь и наиболее быть уповается»⁵, т.е. молдаван.

Таким образом, население «сухого океана», т.е. собственно Бессарабии, во время владычества турок (после 1484 года), составляли татары, за исключением береговой днестровской полосы. В год присоединения к Империи нынешней Бессарабской губернии край был чист от них; но он в непродолжительное время заселился выписанными немцами, французами, беглыми болгарами, сербами, великороссами, малороссами; старый татарский Буджак покрылся вдруг густой сетью имен, повторявших место великих битв 1812-1814 годов, – от Малоярославца и до Лейпцига, Парижа⁶. Позже подошли цыгане из-за Прута, поселенные казаки. Старый молдавский элемент от берега Днестра стал свободно протягиваться в глубь края, распространяя знание своего языка, особенно среди русских поселенцев, не трогая немецких; большая же часть болгар были охраняемы от молдавского влияния их турецким языком (гагаузы).

Что же касается этнографического характера второй или гористой части Бессарабии – Запрутской Молдавии, то в ней необходимо строго различать два неравномерных пояса: широкий пояс *молдавских* поселений и узкий пояс поселений *русских*, т.е. малорусских.

Молдавский пояс обнимает сплошь центральную Бессарабию и некоторую часть северной, иначе – Хотинский уезд, причем он захватывает все побережье Прута вплоть до Новоселиц или австрийской границы в Буковине, куда он в свою очередь и переходит. Таким образом, течение Прута есть этнографическая база молдавского населения, тогда как бассейн Днестра в своей северной части – от австрийской границы или от с. Баламутовки у впадения пограничного Черного потока в Днестр и почти до города Сорок – еще задержался во владении старейшего этнографического элемента Бессарабии – русского («русины», «руснаки»), того же, который заселяет в непосредственном соседстве северную половину австрийской Буковины. Фигура этнографических территорий молдавского и русского элементов в гористой части Бессарабии указывает, откуда и в каком направлении справедливо вести в рассматриваемой части Бессарабии поступательное колонизационное движение молдаван, именно – от Прута к Днестру, а не наоборот. Активный элемент – молдавский, пассивный, уступающий – русский (мало-). То же этнографическое явление давно отмечено в соседней Буковине.

Итак, второй или русский этнографический пояс сбит или скомкан в настоящую минуту на небольшом пространстве севера Бессарабии, у пра-

От XV-XVII столетий мы имеем не мало бессарабско-молдавских грамот о пожалованиях вотчин. Их так называемый славянский язык насквозь пронизан малорусскими элементами; может быть даже иногда указан элемент гуцульский, т.е. восточногалицкий. Но для нас особенно важны грамоты на села у среднего Днестра в пределах нынешней молдавской этнографической территории: названия этих сел или урочищ около них –

преближно-малорусские, вроде Червонный верх, Камень. Справедливо от **малорусских** названий обитаемых мест заключать к **малорусскому** характеру и самих обитателей⁸. Но поступательное движение от Прута к Днестру молдавского элемента мало-помалу охватывало местные русские поселения, романизовало население их, и таким образом, по истечении веков, старый хозяин земли, отступая перед натиском запрутской стихии, очутился в положении загнанного в угол и припертого к Днестру этнографического элемента между Буковиной, Галицией и Подолией.

Такова в немногих словах судьба русского этнографического пояса во второй части нынешней Бессарабии. Иными словами, известная часть нынешних молдаван средней Бессарабии это **романизованные малороссы**. Но это явление в исторических судьбах Бессарабии не стоит изолированным в общей истории формации румын в крупную, на глазах людских образовавшуюся этнографическую особь. То же явление – развитие, самоусиление на счет иных народов, прежде всего, на счет славян, имело место, но в разные времена, на всем громадном пространстве, которое в настоящую минуту образует этнографическую территорию румын: и на среднем Дунае, и на нижнем, на Тисе, Бодроге, в Трансильвании и Буковине. Можно сказать более – не только имело место, но имеет и сейчас. Трансильвания теперь, за исключением немецких с XIII века колонистов и секлеров, сплошь румынская; но еще в начале XIX века ее этнографическая картина была несколько иная: внутри страны еще только вымирали, но не умерли последние представители ее бывшего автохтонного населения – славяне, и именно русские, но с особенным, отличным от нашего языком, а за три с половиной века перед тем, в первой половине XVI столетия, эти вымиравшие славяне представляли из себя еще заметную этнографическую особь – племя, народ. Подробности в нашем докладе на Археологическом съезде в Ярославле 1887 г.

Восточная Венгрия, от ущелий Карпат и до Дуная, теперь также сплошь румынская; этнографический процесс и сейчас не остановился здесь; румынский элемент идет все вперед и вперед – за счет русских и сербов, и правительственные меры из Пешта бессильны против этого стихийного роста румын. Наоборот, в Буковине все меры австрийского правительства из Вены направлены всецело к единой цели – при помощи церкви, школы, университета в Черновцах, земского управления, прессы достичь как можно скорее румынизации северной, еще русской (мало-) половины области. Еще в начале прошлого столетия один из лучших этнографов Венгрии, Чаплович, подметил в быту местных сербов любопытное явление, что одна красивая румынка, вышедши замуж в сербское село, через несколько лет научит в известной мере своему языку многих и многих односельчан, но сама останется чужда сербскому языку.

Не беремся решать вопрос, где причина этого повсюду триумфального, победного шествия румынского элемента. Менее всего, конечно, можно здесь думать о превосходстве культуры. Ссылаются обыкновенно на ту-

гость, неспособность молдавана к усвоению чужого языка. Но едва ли эта ссылка основательна. Летом минувшего года нам удалось пространство по Тимоку, в восточных округах Сербского королевства – Радуевац, Неготин, Зайчар. Известно, что эти округа были заселены румынами и именно, как доказали новейшие этнографические исследования немецких ученых, выходцами, преимущественно пастухами из-за Дуная, но не из соседней Валахии, а из более далекого края – венгерского Баната. Нам было также известно, что сербское министерство народного просвещения с самым живым вниманием всегда относилось к вопросу о приближении иносербского элемента на своем востоке к элементу государственному. Естественно, что наше любопытство было направлено в сторону, насколько усилия сербского министерства разбить духовную отчужденность, замкнутость своих молдаван увенчались успехом.

Мы могли констатировать один факт, как венец правительственных усилий: всему мужскому румынскому населению притимокских округов (Тимок – пограничная река с Болгарией) государственный сербский язык в полной мере известен; в деревенских клубах-казино, читальнях, где собираются по вечерам толковать о своих нуждах, политике, газетном сообщении, слышится сербский язык; но женской половине населения сербский язык мало известен; дома, в семье, меж детей разговор ведется исключительно по-румынски. Мы наткнулись здесь в Сербии на явление, которое давно знакомо нам в быту многих приднестровских сел Херсонской губернии: население как будто чисто малорусское; мужчины говорят по-русски; но женщины между собой, в разговоре с мужьями и детьми, вообще в семье употребляют исключительно молдавский язык.

Таким образом, пример из жизни Сербского королевства показывает, что о какой-то абсолютной неспособности молдаван к усвоению чужого языка серьезной речи быть не может. Сербская народная школа сделать успела не мало по пути духовного объединения своего иносербского населения. Но, очевидно, особенное внимание должно быть обращено на народную школу для девочек, так как именно румынская женщина отмечена необыкновенным консерватизмом, замкнутостью, упорной привязанностью к старине и одинаково, как на берегах Тисы и Дуная, так и на херсонском побережье Днестра.

III

Каковы бы ни были судьбы Бессарабии в прошлом, но население ее в настоящую минуту много более чем на половину молдавское. Русский элемент представлен в ее двух концах: на севере – автохтонным, «русинским», на юге, в Буджаке – пришлым, велико- и малорусским, от недавнего времени. Знание русского языка населению молдавских сел не только центральных уездов Бессарабии, но и Буджака совсем почти неизвестно. Помимо образованных и официальных лиц, только еврей со своим полиглотизмом в коренном бессарабском селе южной и значительной доли

северной части губернии является единственным «знатоком» русского языка, а потому удобным и неизбежным посредником.

Через девять лет исполняется столетие Букарештскому договору (16 мая 1812 г.), по которому мы, наконец, приблизились к заветному Дунаю и памятного Пруту, получив от Турции Бессарабию. Почти столько же лет насчитывает своей жизни и почти тогда же отторгнутое от той же Турции нынешнее Сербское королевство. Но достигли ли мы в нашей Бессарабии, в ее молдавской части, тех же результатов относительно приближения нашего государственного языка к ее громадному молдавскому населению, каких достигла маленькая Сербия в том же вопросе по отношению к своему молдавскому населению?

Конечно, в виду указанного выше, ответ может быть один - отрицательный. В коренном бессарабском селе характер жизни почти тот же, какой был сто лет назад, до присоединения Бессарабии. Как русский уроженец Бессарабии не могу без некоторой улыбки вспомнить прием местного епархиального начальства, при архиепископе Антонии, уже в 60-х годах прошлого столетия – во все церковные приходы, и русские, рассылать метрические книги, напечатанные на молдавском языке...

Правда, в настоящее время Бессарабия покрыта массой народных школ – министерских, земских, церковных. Школа делает свое дело, работает на государство. Но за дверями школы жизнь делает также свое дело, и мальчик с аттестатом в руках по окончании курса в школе тотчас же забывает ту дозу знания русского языка, которая с необыкновенным трудом досталась ему в его школе, с трудом, потому что он входил в нее без всякого знания того языка. Только позже военная служба несколько воскрешает в памяти молдавского мальчика его школьное знание. Необходимо облегчить труд мальчику, необходимо помочь и самой школе в достижении возможно лучших результатов, и прочных. Но где средства? Где помощники нам в этом важном деле?..

Священник г. Кишинева отец Михаил Чакир, местный уроженец и опытный преподаватель в низшей или народной школе, и задался прекрасной целью помочь нужному делу – приблизить русский язык к местному молдавскому населению, облегчить его усвоение молдавским мальчикам в самой школе, облегчить удержание знания его после школы, вообще открыть доступ к русскому языку каждому охотнику. В этих целях он на свои средства сделал в Кишиневе любопытное издание под скромным названием: «Помощник молдаван при первоначальном изучении русского языка. Для молдаван Бессарабии, стремящихся изучать русский язык. Часть I. Русско-молдавский букварь. Составил учитель-священник Михаил Чакир. Кишинев, 1900 г., цена 10 коп.». Тот же титул параллельно по-молдавски: «Ажурторюл Молдовенилор ын време челей май ынтые ынвацатурь лимбей русаскы. Пентру Молдовень а Бессарабий (дин Бассарабия), кари (че) сы се сылеса ф ынваца лимба русаскы. Парте (я) I. Ау алкытуит (ау компус) ынвацаторюл-преотул М. Чакир (у)».

Русский читатель благоволит иметь в виду, что так называемый литературный румынский язык, т.е. употребляющийся по ту сторону Прута, в Королевстве, это порождение национального шовинизма и политического фанатизма, дело последнего полувека, местных политиков после Парижского трактата 1856 года, положившего начало объединению господарств Молдавии и Валахии и отнявшего для них придунайскую часть нашей Бессарабии, как бы для почина (ср. статьи XXIV и XXVI). Была объявлена чистка народного языка от всего *славянского*, т.е. от его векового культурного элемента, с которым он так сжился, так сросся плотью. Чтобы определить себе размеры этой открывавшейся чистки, этой объявленной войны всему славянскому в языке, надо иметь в виду, что, по подсчету известного румынского, но трезвого лексикографа г. Чихака, в его

«Dictionnaire d'etymologie daco-roman...», Francfort s. M. 1879 г., латинский элемент румынского языка представляет в настоящую минуту лишь одну пятую часть его словаря, тогда как славянский элемент – вдвое больше, две пятых⁹. Но чтобы ясно представить себе приемы, сам характер этой чистки и его последние цели, мы укажем один пример – проделанную румынскими книжниками манипуляцию с дорогим для всех простых молдаван, столь стойких сынов православной церкви, вековым в их языке христианским термином – «свынт» - святой, откуда глагол «а сфинци» - освящать. Предварительно заметим, что декретированная чистка молдавского языка за Прутом стремилась помочь себе механической подменой слов славянского происхождения словами из языков романской семьи, а прежде всего из языка-родоначальника – латинского.

Слово «свынт» из церковнославянского языка, из прилагательного «свѣтъ» (с носовым «ен»). Но латинское «sanctus» по звукам соблазнительно близко, по значению – тождественно с его славянским или румынским корреспондентом; формальная разница – в одном главном звуке, в лишнем славянском *в*. Но стоит ли останавливаться перед таким ничтожным препятствием? Лишний звук в вековом «свынт» выбрасывается, и получается форма, совсем адекватная с желанным латинским «sanctus» – «сынт», в латинской транскрипции – «sânt», и это заново сфабрикованное слово, по распоряжению правительства, повсюду заменяет вековое народное «свынт», не исключая и богослужебных текстов, о чем с таким горьким чувством когда-то в Белграде говорил в беседе с нами сербский митрополит покойный Михаил.

Подобные же манипуляции имели место и с другими аналогичными словами славянского происхождения. Но большая часть славянских слов просто подменялась латинскими: «време» заменилось «tîmpu» или переводилось: «бив» (из церковнославянского «бывъ» - бывший) – «fost» и т.д. Печать, школа непосредственно помогали правительству в этом походе против старины, и в два-три десятка лет язык стал неузнаваем. Через школу он входит в употребление молодого поколения, в массы¹⁰. Если же какое славянское слово было уже слишком популярно или из области слов, освященных церковью, а потому подмена его представляла опасность, оно оставлялось в литературном и официальном употреблении, но профессора, вроде Лауриану, Массиму (авторы огромнейшего словаря лексических заимствований в румынском языке, 80-х годов), объявляли подобные слова самым ученым и в то же время самым детским образом латинского происхождения, следовательно, родными, например, слова «духул», «грешеск» и др. Совесть строгих пуристов могла быть покойна... Даже самый выговор почистили, приблизив к Западу: исчезло, например, произношение *л* твердого и заменено средним *л* (уже не «ласа», а «л'аса» = оставь).

Автор кишиневского руководства, отец Чакир, справедливо отвергает молдавский из-за Прута язык, как фальшивую монету, и оперирует насто-

ящим молдавским языком, как он сложился исторически и как он известен массе населения центральных уездов Бессарабии. Позволяем себе думать, что наступит время, когда ученые за настоящим молдавским языком будут направляться именно в Бессарабию. Но, отдавая должное отцу Чакиру, мы не можем с сожалением не отметить, что автор «Помощника» местами именно в грамматической терминологии отступает от своего принципа: в этой терминологии он пользуется услугами сфабрикованного по рецептам, указанным выше, запрутского литературного языка. К чему, например, для молдавского мальчика в русской народной школе и по выходе из нее все эти: конжугаре, модул, нумерул? Для народной школы в России подобный грамматический аппарат совершенно неуместен. В учебнике молдавская терминология должна быть сближена с обычной русской¹¹. Нам нельзя вторить аспирациям, идущим против наших первых интересов, а главное – зачем школьнику двойная терминология грамматическая?..

Третье достоинство молдавского учебника отца Чакира – это принятая им русская графика для звуков молдавского языка. По-видимому, вопрос формы, незначительный, но в действительности – высокого общего интереса, интереса государственного.

Знакомые с историей румынской письменности хорошо знают, что главным органом ее целые века является церковнославянский язык, в собственной Валахии – с налетом среднеболгарским, в Молдавии – с элементами малорусскими. Так было до половины XVII столетия. Первая попытка заменить славянский язык в церкви принадлежала пропаганде кальвинизма в конце XVI века, шедшей от мадьяр из Трансильвании. Понятно, что церковнославянский язык ввел и кирилловский славянский шрифт в общее употребление, как для письменности церковной, так и славянской, и кирилловское письмо стало таким же национальным достоянием молдаван, как и всех славян православной церкви. В 30-40-х годах минувшего столетия под влиянием ближайших сношений с Россией славянский шрифт в книгах для лучшего общества, например, в области поэзии, стал заменяться нашим русским, так называемой гражданкою (сошлемся на яское издание стихотворений Александри).

Но между тем в Австрии, именно в румынской Трансильвании, давно уже исподтишка готовился удар против исторического, кирилловского письма у молдаван через замену его латинской абecedой. Местные униаты, пасторы были горячими адептами австрийской идеи, хотя первое время вели дело осторожно, без насилия. Так, в «Валашско-немецком словаре» Андреаса Клеменса (о нем вскользь было упомянуто выше), изданном в Буде (Ofen) в 1821 году, на первом месте слово в кирилловской передаче и только на втором месте в латинской транскрипции. Но после Парижского трактата австрийская идея нашла в Букареште горячий прием, и с этого времени сфабрикованное на стороне латинское письмо и с расчетом всячески приблизить в форме румынское слово к его латинско-

му корреспонденту («ґага», читай «цара», из латинского terra) сделалось за Прутом новым национальным письмом, показателем современных там аспираций – на Запад, прочь от славянства¹².

Излишне говорить, что мы в молдавской книге, предназначенной для молдавского мальчика народной школы в центральных уездах Бессарабии, можем дозволить только наш русский шрифт. Ввиду этого прием, употребленный автором первого у нас учебника на молдавском языке – «Помощника молдаван», мы не можем не считать вполне разумным и в то же время не можем не приветствовать его, как симпатичный возврат к родной старине, еще столь свежей даже за Прутом. Повторяем, прием отца Чакира не русская «транскрипция», и нового он ничего не вносит. Конечно, для Букарешта в данную минуту шрифт отца Чакира есть русская транскрипция и то только потому, что там насильственно прикончили со своей стариной.

При дешевой цене (40 коп. за все части) учебная книга отца Чакира вполне доступна массе. Но автор как будто упустил из вида то обстоятельство, что в книжке для народной школы, для массы недопустимы опечатки, ошибки: текст такой книжки что текст канонический. В издании же отца Чакира и опечаток, и ошибок слишком достаточно (шорокая, ыггуст вместо ынгуст, II, 14 и др.).

Далее было бы не лишним более естественное размещение примеров: к чему, например, II, стр. 14-15, без всякой системы слова, обозначающего родство? Сомневаемся и в раздельном существовании и с раздельным значением молдавским слов «баклажени» и «патлажени», «питарь» и «китарь» (II, стр. 16), в самом существовании в устах простого бессарабского молдаванина таких хитрых географических названий для близких и совсем далеких предметов, как «Петрянсбург», т.е. Петербург, «Рома», т.е. Рим, «Маре медитераны», т.е. Средиземное море. Что касается последних двух названий, то деланность их очевидна: ведь латинское «terra», в такой именно форме, в молдавском языке не существует, как не существует и частица «medi», и оба названия нерассудительно взяты автором из языка, что сфабрикован в Букареште. Французская географическая терминология, как и историческая, математическая, целиком перенесена в молдавский язык по ту сторону Прута господами из Букарешта. К чему же нам своих мальчиков портить, пичкать их головы ненужным хламом?.. Наконец, отметим встречающиеся местами неточные русские обороты или неправильные слова. Так, едва ли говорят по-русски: «кто *кушает* сено и траву» (ч. II, 36); есть слово «скирда», но не «скирд» и др.

Вообще, мелких, но очень нежеланных недочетов в «Помощнике молдаван» довольно. Но, как первый опыт и частное издание, труд отца Чакира заслуживает всяческой признательности с пожеланием, конечно, чтобы это полезное руководство для народных школ Бессарабии, ее уездов с молдавским населением при новом издании было тщательно заново прокорректировано, проверены были ее и русский, и молдавский тексты, ус-

транены все ошибки, опечатки, непоследовательности, особенно деланные, из-за Прута занесенные слова.

При общественной поддержке благому начинанию кишиневского «учителя-священника» мы можем ожидать от того же энергического автора и нового, дальнейшего шага в интересе тех же молдавских мальчиков Бессарабии – толковой, с молдавскими глоссами русской *хрестоматии*, книги для чтения, как этого рода книги назывались в старину, и для школы, и за порогом ее. Без чтения и без освежения временами приобретенных бессарабским мальчиком сведений в народной школе по русскому языку последние скоро забываются, так как многие условия жизни в селе в состоянии только парализовать те результаты, которые с большим трудом получаются в народной школе по столь существенному для нас вопросу, как вопрос об известности государственного языка между инорусским населением Империи.

IV

Мы только что выразили желание, чтобы автор «Помощника молдаван» продолжил свое учебно-литературное дело и издал второго «Помощника», в виде специальной русской хрестоматии. Но наше желание, могут возразить нам, запоздало и излишне: хрестоматия для учеников молдаван уже имеется в нашей учебной литературе, и вышла она в свет одновременно с «Помощником» отца Чакира, и в том же Кишиневе, и это также труд опытного местного учителя народной школы, хотя и специального, а не общего характера.

Это «Бессарабия. Историко-географический очерк для желающих ознакомиться ближайшим образом с местным краем. Книга, пригодная и для внеклассного чтения ученикам молдаванам», Кишинев, 1901 года, цена 60 коп. Автор этой книги Георгий Кодряна, учитель народной школы в Буюканах, предместье г. Кишинева.

Труд г. Кодряна по своей специальной цели относится к области родиноведения. Автор задался добрым намерением – своих познакомить со своим. Но дело в том, что каждая статья в книге г. Кодряна, набранная четким, крупным шрифтом, для каждого своего более или менее трудного выражения, оборота, для отдельного, сколько-нибудь затруднительного слова, снабжена точными глоссами на молдавском языке. Следовательно, и интересы русского языка в полной мере обеспечиваются историко-географической хрестоматией г. Кодряна. Но весь вопрос – как она составлена и в состоянии ли она не столько составом, сколько своим изложением приохотить школьника и юношу молдаванина, оставившего школу, к русскому чтению, продолжать дома упражняться в русском языке?

К сожалению, книга скромного народного учителя в Буюканах мало пригодна и как пособие по родиноведению, и как книга для русского чтения, для упражнения в русском языке – «для внеклассного чтения ученикам молдаванам», как на то рассчитывал автор (см. заглавие).

Книга г. Кодряна не может быть интересна для школы. Еще менее для жизни, по своим многочисленным фальшивым сообщениям из географии, этнографии и истории края, не годится и по своим излишествах, мелочам. Позволяем себе ограничиться немногими страницами книги, чтобы отметить то неведение автора, которое лишает книгу серьезного педагогического значения в интересах родиноведения, следовательно, никак не может пособить при достижении прекрасной цели автора – быть в помощь «желающим ознакомиться ближайшим образом с местным краем». Перебирать же все издание было бы лишним трудом.

Стр. 2. Совсем произвольно утверждение, что Бессарабия носит свое название с XIII века. Было уже указано раньше, что и на картах, и в общем употреблении до 1812 года, а даже немного позже, под Бессарабией понималась только южная часть; что на север от болотистой долины реки Ботны, впадающей в Днестр у Бендер, то была Запрутская Молдавия или просто Молдавия.

Стр. 5. Северную часть Бессарабии автор характеризует как край, богатый густыми лесами. Но недавно нам пришлось побывать в Хотинском уезде, прорезать его от Днестра до Прута - и увя! Нигде густого леса ни следа. В виду карты Бессарабии Б. Эйгнера 1843 года, на которой тщательно отмечены леса, можно думать, что и 60 лет тому назад север Бессарабии лесами особенно богат не был, за исключением скромного угла между Днестром и Черным Потоком, т.е. у границы с Галицией. Только средняя Бессарабия, особенно Оргеевский уезд, еще полвека тому назад была сплошь один лес; но теперь и здесь жалкие остатки, память о былом величии и богатстве края и свидетель хищнической современной культуры.

Стр. 5. Если Днестр у турок называется Турла (что справедливо), то ясно, что это название реки не «в древности».

Стр. 7. Совсем рискованно утверждать, чтобы дакийцы в I столетии до Р. Хр. «населяли Бессарабию», и чтобы именно они Прут называли «Пората».

Стр. 10. Говоря о населении Хотинского уезда, автор утверждает, что его составляют не только «русины» (и даже с двумя с), резко выделяемые от малороссов, но и поляки. Но где это последних автор видел? Несколько семей владетелей и арендаторов поместий, управляющих заводами, чиновников - вот и весь польский контингент. Да разве об этом серьезно говорят, раз речь идет об этнографии края?

На той же странице ряд неверностей о городе Хотине. Никогда генуэзцы не были в Хотине и знаменитой его крепости не строили. Для автора этимология названия города то дакская, то галльская; но все это словопроизводство неосновательно, а главное неуместно в книге, предназначенной для молдавского мальчика, для школьника, настоящего или бывшего.

На стр. 11 уже прямо нелепость в утверждении, что Хотинская крепость и Бессарабия присоединены навсегда к России по Берлинскому трактату.

Этот реестр ошибок можно бы продолжать до огромных размеров. Но и приведенные места из первого десятка страниц достаточно определяют научную, в пределах истории, этнографии и географии, годность книги для просвещения местного молдавского населения Бессарабии. Конечно, естественное желание автора видеть свое учебное пособие в библиотеках народных школ Бессарабии едва ли может быть осуществимо.

Перейдем ко второму вопросу – насколько книга г. Кодрына может быть интересна своей литературной стороной, привлечь к себе внимание мальчика-школьника и юношу вне школы?

К сожалению, и для этой цели она мало пригодна. Все ее страницы испещрены именами и именами, историческими и географическими; затем идет вереница цифр, совсем неуместных, не могущих ничего полезного сказать ни уму, ни чувству бессарабского мальчика. Понятно, какую скуку может навести на простого мальчика подобное сухое, неуклюжее изложение: оно именно может оттолкнуть его от русского чтения, а не заохотить. Наконец, сам русский язык отрывков страдает отсутствием простоты, легкости; иногда он просто и непонятен и неправилен. Так, совсем не сразу доберешься до смысла фразы: «жители пользуются правом производить рыбную ловлю в водах примыкающей гирлы Дуная». Здесь автор сущ. «гирло» (жерло или жерело) перевел в слова женского рода; неправильно поместил определение – причастие, и все это для того, чтобы не сказать просто и ясно – «в водах Килийского гирла Дуная».

Одобряя внимательное отношение автора к корректуре своей школьной книги, мы полагали бы, что для молдавского мальчика излишня постановка ударения на каждом слове его родного языка: ведь он при молдавском чтении не ошибется... Наоборот, было бы вполне уместно ударение на каждом русском слове, а этого-то и нет, чем так грубо нарушено первое требование в народной школе с инорусским составом учеников... Конечно, и при чтении на дому остается в силе то же педагогическое требование.

Наконец, присоединенная к концу нашей географико-исторической хрестоматии небольшая карта Бессарабии – добавление, безусловно, необходимое – совсем жалка, пуста и исполнена совсем примитивными литографскими средствами провинции, хотя сама карта не в виде простыни, в каком виде издана карта южной Бессарабии аккерманским земством, при упомянутом выше «Описании» этой области от начала прошлого столетия. Школа требует хорошо исполненной и более или менее обстоятельной карты, раз школьное пособие требует ее, следовательно, и в этом отношении хрестоматия г. Кодрына своей цели не удовлетворяет.

Переходим к третьему молдавскому изданию, в известном смысле предназначенному и для русской школы, но уже к изданию не провинциальному, а столичному, не Кишинева, а Букарешта.

V

Еще в 1895 году профессор русского языка в Военной («de razboiu») Академии в Букареште доктор Эммануил Григоровица (Em. Grigorovitz),

по поручению министерства народного просвещения и исповеданий, составил и издал, в Букареште же, обширный «Русско-румынский словарь» («*Dictionar rus-roman*»). Это большая книга в 768 страниц, в два столбца, формата in oct. lex., с посвящением Ее Императорскому высочеству Марии Александровне, герцогине Кобург-Готской.

Внешняя сторона издания, как вообще в изданиях столицы Румынии, вполне удовлетворительная, даже щеголеватая: прекрасная, четкая печать – жирный русский шрифт, крупный румынский; бумага хороша. Но далее внутренняя сторона труда пр. Григоровицы совсем не отвечает внешней, и букарештский словарь стоил много, а стоит мало. Ценность не велика.

Внимание читателя останавливает на себе огромное количество ошибок и опечаток в русских словах, не говоря уже о неточностях в указании родовой категории русских слов или о таких ошибках, которые позволяют предполагать, что сам автор не всегда правильно умеет читать русский печатный текст. Можно сказать, что не часто встретится столбец в словаре без 2, 3 опечаток – ошибок. Спрашивается, как же румыну Королевства учиться русскому языку из подобного словаря? В таком же затруднительном положении очутился бы и наш бессарабский школьник, если бы прибег к услугам г. Григоровицы. Приведем на выдержку несколько примеров из русских столбцов – слов несуществующих и невозможных или неупотребляющихся¹³.

а) Слова несуществующие:

девер, sau (т.е. или) дювер. (Понимай – «деверь?»).

дерзковение. (Произв. от прил. «дерзкий?»).

дерба, sau дербина s. m. locul exploatat?

вонзайть, verb. aimpinge. Надо думать, вм. «вонзать».

вонный, adj. exterior. Очевидно, от частицы «вон».

наянство, s. n. si наянливость s. f., impertinenta, obraznicia.

Показано и русск., прилаг. наянливый impertinent, сущ. наян s. m. por., т.е. в народной речи nega rea (т.е. буквально злой упрямец).

отвоздить, v., a arata ciuva (т.е. бранить, вытыкать), и много иных.

б) Слова невозможные или неупотребляющиеся:

десятирицем, adv., de zece ori. Очевидно, вм. десятирицею.

дорогопровод, s. v. viaductul. Откуда автор взял?

оржать, s. m. laptele de migdala. Очевидно, вм. «оршад».

отёл, s. m. timpul fatarei vacilor, т.е. время отеленья. Откуда автор взял?

отжидеть, verb., a se subția, a deveni puțin, lichid, т.е. делаться жидким, и много иных.

С другой стороны, неточные указания выдают недостаточное знакомство с русским языком самого автора. Так, слово «газель» г. Григоровица пишет не только «газел», но и объясняет s. m., т.е. существительное мужского рода. Но еще курьезнее у автора с правописанием слова «галиот» (судно): он читает его как «галют», знает производное «галютчик» и во избежание всякого недоразумения еще отмечает ударение на небыва-

лом «ю»; само же слово объяснено правильно – «galoita, corabie mica», т.е. судно. Некоторые лексические пояснения автора просто ни понять нельзя, ни догадаться, что автор имел в виду. Так, при слове «гора» читаем: «горою, adv., forte corpulent, gros», что значит – очень дебело, толсто. Ничего подобного в языке нет.

Таким образом, «Русско-румынский словарь» букарештского профессора для румын, желающих ознакомиться с русским языком, не годится: у автора свой русский язык, которому если какой румын и научится, то его русская речь будет производить еще более комическое впечатление на слушателя, чем речь западного славянина, заботливо отчеканивающего свое «харашо»... Но если труд Григоровицы и имеет некоторое практическое значение, то только для нас, русских, при необходимости что-нибудь написать по-румынски, на литературном языке. Для нас, конечно, своеобразный русский язык профессора Военной Академии опасности не представляет, а слова без смысла оставим в стороне.

Из предложенных замечаний нельзя не видеть, что трудолюбивый профессор Букарештской Военной Академии владеет только в некоторой мере русским языком, знает язык пассивно. И с таким пассивным знанием русского языка можно бы было составить г. Григоровице более и менее удовлетворительно русско-румынский словарь, если бы только автор был более внимателен и строг к себе.

Не знаем, какие практические результаты принесло появление в свет «Русско-румынского словаря»; но автор не остановился на первой пробе и через пять лет выпустил второй словарь, в обратном порядке тех же языков.

В 1901 году в том же Букареште проф. Григоровица издал «Dictionar roman-rus», и также по поручению того же министерства народного просвещения, причем как вводная часть к словарю приложен «un studiu introductiv asupra gramaticei limbii romane», так как словарь предназначался и для нас, русских. За румынским титулом следует русский: «Румынско-русский словарь, с приложением извлечения из румынской грамматики, составил по поручению румынского министерства народного просвещения и исповеданий д-р Эм. Григоровица». Цена 25 левов, т.е. франков. Издание посвящено Августейшему президенту Императорской Академии наук, великому князю Константину Константиновичу.

Условия для выполнения этого второго труда у автора ухудшились: при работах такого рода необходимо знать хорошо, **активно**, второй, чужой язык; а мы видели, г. Григоровица далее пассивного знания русского языка притязать не может. Могут нам возразить, что в течение пяти лет, разделяющих появление обоих словарей, автор мог пойти далеко вперед в усвоении русского языка; но, к сожалению, возможность не перешла в действительность, и результат от второй лексикографической пробы букарештского профессора оказывается столь же мало удовлетворительным, как и от первой, пожалуй, и менее.

Внешний декорум соблюден, естественно, тот же, что и в первом словаре, 1896 года: те же шрифты, столбцы, формат; но соблюден, к сожалению, и тот же, прежде всего, внешний недочет, массы и массы опечаток – ошибок в русском тексте. Удивительна настойчивость автора – для корректуры недостаточно близко знакомого ему текста, т.е. русского, не искать помощи на стороне, а помощь эта так не трудно нашлась бы. Не говоря о членах Королевской румынской академии наук – гг. Точилеску, Богдане и других, в портовых городах Румынии много чиновников, докторов, агентов, прекрасно говорящих по-русски: свидетельствуемся нашим путешествием по придунайской Румынии летом минувшего года. Что же в конце концов вышло у г. Григоровицы от его упорства полагаться только на самого себя в корректуре книги, в которой требуется осторожность, внимание и отчетливое знание? Словарь не повестушка.

Берем наудачу две соседние страницы словаря, притом первый столбец каждой.

Стр. 76, I: печатные погрешности: *Тране* (т.е. – с.), *полушубок* без *рукавок*, *втесто*, *перскупщик*, *буиволов*, *оскелок*, т.е. 6 опечаток.

Стр. 77, I; *полушудок*, *мехонщик*, *скорник*, *меховшика*, *скромний*, *скротость*(!), *кирапивсподовнаясыпь* (одно слово в тексте, вероятно, надо читать – «крапивоподобная сыпь»), *лизтовым*, *народный*, *расказни*, т.е. 13 опечаток.

Почти нет русского столбца без опечаток. Если положить 4 опечатки на столбец, то при 640 страницах «Словаря» или 1 280 столбцах общее число опечаток будет около 5 тысяч, пропорция для справочного словаря, учебного руководства невозможная, т.е. недопустимая. Если в нашем подсчете мы и грешим, то только в пользу автора. Мы уже не говорим о диких переносах русских слов («опох-мелиться» s. v. *desameti*), о знаках препинания.

Но страшная корректурная небрежность сопровождается другой, и она еще ярче свидетельствует о небрежности автора «Словаря», как бы о его природном пороке. Мы имеем в виду целые серии румынских слов, оставленных без своего русского корреспондента: что же после этого «Румынско-русский словарь» букарештского профессора? Таковы: *alimori* с. м. мн. ч... (т.е. мужского рода, множественного числа), *corla* с.ж., *cosara* с.ж. (загон?), *costrus* с.м. (из Трансильвании), *covasit*, прич. *crescatura* (рост?), *crucea-voinicului* (солдатский крест?), *cucoara* с.ж., *cupa*, *vacei* с.ж., *curalice*, с.ж., *detipt*, прилг., *godac*, *gogotar*, *grasatoare* с.ж., с ссылкой на это слово ниже и т.д.

Здесь автор не у места молчалив. Но иногда он не у места речист, с излишествами. Совершенно излишни турецкие слова, иногда с обширными толкованиями на убийственном русском языке. Так, под «*delii*» читаем: «с. множественного числа, так называвшийся отряд (!) конницы, сформированной при Михаиле Храбром, которая (!) и в свою (!) очередь прославилась своими подвигами» Или турецкое слово наивно протолковано, но

Что это за открытие? Грамматическая форма не противоречила бы русскому языку г. Григоровицы.

узкать, гл. – sub v. găsi.

шкив гать – s.v. ferestruica.

наборная веретать – s.v. vinqalac.

дрежок, с., – s.v. vâtaf.

ёжа палечная трава – s.v. albeiu.

добрия ореи (в народных преданиях) – s.v. albele, и то же слово ниже – «ореи волшебныя - ale frumoase». Феи?

завтра с мишкам – s.v. asteaptă.

избиканный вкус – s.v. aticism.

разбег, порел – s.v. avint.

длинетворение праздника – s.v. crăciun.

срысый – s.v. darimat.

обругать жёлно – s.v. imbăla (a).

надеть пахми – s.v. impotila.

плевить зерно – s.v. griu.

нмдара под контракт – s.v. contractare.

II категория:

«на вкус и цвет товарищей кем» (т.е. нет), s.v. gust.

удаливать – s.v. gătui, т.е. удавливать.

горо – s.v. gât, т.е. горло.

продуб вольду – s.v. sorcă, т.е. прорубь во льду.

детсво, дество – s.v. copilari, т.е. детство.

ужилька – s.v. arucatura, т.е. ужимка.

обизая черта – s.v. asemanatura, т.е. общая.

жёстокий, шерохатый, немиловерный – s.v. aspru, т.е. жёсткий, шероховатый.

алчуший, жаждующий – s.v. ahtiat.

затыкать, затиить, завагромождать – s.v. astupa, т.е. затыкать, затаить, загромождать.

III категория:

бред... *бездумие* – s.v. aiurare.

вспомоществование – s.v. ajutorie.

вдыхание – s.v. aspiratie.

бодрый *бойский* – s.v. ager (ниже – «делаться бойским» - ageri).

базилик: «аце, вместо aduce (в нар. поэзии), si el'ti ace (aduce) busuioc, и он тебе приносит базилика». Просто – «василек», известный цветок.

дымение – s.v. afumare.

дышливый – s.v. gafait.

козлиться – s.v. meca.

отвратительный – s.v. gretos.

плевить зерно – s.v. griui.

довирливый – s.v. crezator.

времoмир – s.v. cronometru.

плодовитъся – s.v. fătătoare.

К этому же сорту особенных слов г. Григоровицы можно отнести и его особенные выражения вроде: «быть глупым, как ночь» (см. s.v. «groara»). Почему ночь глупа? Остроумия не много. Вероятно, автор «Румынско-русского словаря» перепутал русские прилагательные глупый и глухой (обыкновенный эпитет слова «ночь») и создал свое изречение. Быть может, той же путаницей сближающихся по звукам русских слов объясняется без смысла выражение в I категории: «завтра с *мишкам*» - т.е. «завтра с мешком»?.. Все это говорит об одном – недостаточном, смутном знании русского языка, недостаточном, чтобы быть автором порядочного словаря. Одного трудолюбия и любви печататься мало.

Таким образом, крайне невнимательное отношение к изданию, безусловно требующему отсутствия или *minimum* погрешностей, и недостаточное знание у автора второго, т.е. русского, языка лишают «Румынско-русский словарь» г. Эм. Григоровицы значения полезной справочной книги: прежде чем пользоваться трудом букарештского профессора, необходимо владеть русским языком в большей мере, чем в какой владеет сам составитель словаря. Профессор, студент русского университета, духовной академии, служащий по дипломатической части, адвокат, учитель, торговец, литератор в потребных случаях могут воспользоваться трудом г. Григоровицы и быть автору признательными за доставляемую возможность знакомиться с его родным, румынским языком, т.е. с его лексическим составом, несколько с идиотизмами и фразеологией его. Нам необходимо помнить, что кроме приложенного «Румынско-русского словаря» к труду пок. Я. Гинкулова «Собрание сочинений и переводов, в прозе и стихах, для упражнения в валахо-молдавском языке», в 173 страницы, точного, но краткого и с прикладным характером, в нашей учебной литературе нет другого подобного издания. Но книга Гинкулова – библиографическая редкость, как изданная в С.-Петербурге еще в 1840 году. Изданные в 1853 году, перед компанией у Дуная, «Разговоры русско-румынские» (С.-Петербург) снабжены только «Словарем русско-румынским употребительных слов». Но идти далее лиц указанных профессий труд г. Григоровицы едва ли имеет какое-либо право притязать, хотя ни мало не сомневаемся, что автор «Румынско-русского словаря» уже ввиду соображения одной материальной пользы мечтал и о нашей школе при выпуске в свет своего учебного пособия. Вспомним и посвящение Августейшему президенту Императорской Академии наук. Но этот словарь менее всего может быть пригодным для нашей молдавской школы в центральных уездах нашей Бессарабии. Если говоря о дороговизне словаря (25 франков), его невозможная печать и невозможный русский язык не позволяют ни на минуту останавливаться перед отрицательным ответом на вопрос: допустим ли словарь г. Григоровицы в бессарабской инорусской школе? Легко представить себе, какой русский язык усвоил бы себе наш молдаванский

школьник из подобного учебного пособия... Для этих девственных сфер словарь букарештского профессора перестает быть словарем. Но мы позволяем себе пойти и дальше.

Предположим себе, что «Румынско-русский словарь» г. Григоровицы был бы совершенно свободен от всех тех недостатков, которые указаны выше... Но и тогда, раз дело идет о молдавской школе Бессарабии и *сервезно*, латинская транскрипция, латинский шрифт румынских слов и декретированная в Букареште современная графика румынского языка в труде г. Григоровицы воспрепятствовали бы нам рекомендовать в какое-либо городское училище или народную школу молдавской части Бессарабии его «Румынско-русский словарь». Наша бессарабская школа имеет своей первой задачей приблизить мальчика-молдаванина к общему отечеству, а не отдалить от него. О значении графики в данном, по-видимому, пустом, формальном вопросе мы говорили выше. В этом вопросе наши государственные интересы и интересы букарештского правительства диаметрально противоположны. Воспособлять аспирациям из-за Прута мы не можем.

В конце словаря г. Григоровицы приложен «Vocabularul numelor de botez române», т.е. указатель румынских крестных имен. Как южнославянский, так и румынский именослов интересен для историка быта по своим чисто народным именам, но которые, как и естественно ожидать, буквально воспроизводят южнославянские. Таковы: Nedelea, Neagu, Valcu (т.е. Волк), Craciun. Но откуда у православных румын якобы крестные имена: Alfred, Amalia, Clara, Francisc и даже Elisabeta (последнее – с конечными слогами «beta»)? Если бы румыны были греки, вопроса, пожалуй, не было бы. Ужели и здесь перед нами тенденция? Автор нашего словаря не сообразил, что раз у него же показана ласкательная форма для его «Elisabeta» – «Veta», то, следовательно, румынский народ знает одно имя – Елисавета, а форма в слове – изобретение, и техническое, нашего автора или нет – безразлично.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Во избежание недоразумений при определении значения сущ. *кодру* мы ссылаемся прежде всего на глоссарий к старорумынским памятникам, превосходно изданным, в виде изборника, известным М. Гастером (Gaster) «Chrestomatie Româna. Texte tipărite și manuscrise, sec. XVI-XIX...» vol. II. București, 1891. В старом словаре трансильванского немецкого пастора Клеменса: «Kleines walachischdeutsch und deutsch-walachisches Wörterbuch, verfasst von Andreas Clemeus», Ofen 1821, сущ. *кодру* со странным значением – die Heide, Flur, Steppen. Едва ли это лексическая особенность языка румын в Трансильвании, у Кронштадта (Брашева)... Но в русском словаре Гинкулова (о чем см. ниже): «кодру – бор, дремучий лес»; в новейшем «Румынско-русском словаре» пр. Э. Григоровицы (о нем см. ниже) тоже: «codru – лес, роща, (устар.) гора».

2. Богатое и тщательно составленное собрание печатных карт нашего края, от самого раннего времени, имеется в географическом отделении Корол, Чешского музея в Праге. Этот памятник – бесценный труд знаменитого Шафарика, на который он посвятил многие и многие годы и во время создания своих «Славянских Древностей», и позже. В настоящую минуту мы и пользуемся данными из того собрания. Порядочное собрание тех же карт находится и в библиотеке Императорского Одесского Общества Истории и Древностей, каталог которых издан А. Л. Бертье-дела-Гардом, его вице-президентом.

3. Рукопись более 70 лет хранилась в архиве губернского правления в Кишиневе и только в 1899 г. издана на средства аккерманского земства, с картой, в Аккермане. Недавно открытая в Кишиневе Археологическая комиссия повела энергично дело, благодаря редкому трудолюбию ее секретаря, г. Халиппы. Но средств мало. Если бы местные земства пришли на помощь комиссии, много бы материала вышло на свет для истории края.

4. Русский Архив. 1896 г., I, стр. 187. Местечко этого имени и сейчас существует, конечно, без татар, в Аккерманском уезде, на тракте к Измаилу. «Бунар» по-татарски – колодезь. Ср. ту же географическую номенклатуру: Бессарабия есть на юге от реки Ботны, а на север от нее Молдавия, и в письмах майора фон-Раапа, участника Турецкой войны 1787-1791 г. (кишиневское издание 1892 г.), стр. 24, 46 и др. В самом тексте Кучюк-Кайнарджийского договора под Бессарабией разумеется именно Буджак (Артикул 16).

5. См. нашу монографию «Граф А. И. Остерман и раздел Турции», Одесса, 1899, стр. 235. Старые карты на месте нынешней Одессы последовательно знают порт Кочубей или Кочибеи и не знают никакого Хаджибея или Гажибея. Недавно, по поводу столетия Одессы, одесские историки предложили серию своих толкований имени «Хаджибей», но эти толкования никакого значения не имеют.

6. Сам Император Александр I участвовал в создании этих местных имен. См. С. Середонин, Исторический обзор деятельности комитета министров, т. I, 203. Это не мешало бы иметь в виду некоторым шовинистам, для которых нерусское имя какого-нибудь поселения на юге, особенно немецкое, – уже ужас.

7. Ср. доклад наш (и А. И. Маркевича) о поездке летом 1901 г. в сев. Бессарабию для осмотра Хотинской крепости, в XXVI т. «Записок Имп. Одес. Общ. истории и древностей».

8. Ср. подробности в нашей академической рецензии соч. Г. Житецкого «Очерк литературной истории малорусского наречия», оттиск СПб., 1892 г., стр. 25-29, и в нашем труде «Тура-Белгород-Аккерман и его новая лапидарная надпись от 1454 года», Одесса, 1901 г., оттиск из XXIII т. «Зап. Имп. Одес. Общ. Ист. и др.», 77-80, и приложения, две грамоты 1471 и 1617 годов, т.е. подлинник и ее более поздняя копия. Обстоятельство, которое дает возможность проследить степень падения знания у молдавских писцов русского языка после полуторавековой практики, т.е. общий успех романизации в господстве Молдавии. Недавно издано Бессарабской Архивной Комиссией, во 2 томе ее «Трудов». Интересное собрание грамот по истории Кишинева на славянском языке и некоторые параллельно с старинным молдавским их переводом. Грандиозное собрание г. Ф. Кодреску «Uricarul român» в 17 томах, Яссы, 1875-1891, нам известно только по имени.

9. Ср. нашу книгу «Итоги славянской и русской филологии», Одесса, 1882 г., стр. 104.

10. Правда, не обошлось без протестов против уголовного изгнания всего славянского из языка, но они были едва слышны, исходя от людей скромных, и шли из Трансильвании. «Автор – говорит в предисловии составитель лучшей практической грамматики румынского языка, православный священник Савва Попович-Барчану – открыто признается, что он чужд стремления из-за новых слов сделать язык непонятным и более римским, чем каким он является в настоящее время» («Theoretisch-praktische Grammatik der romanischen Sprache» von Sab. Pop. Barciann, II Ausg., Hermanustadz, 1862, V).

11. В этой области автор «Помощника» мог быть вполне свободен и по совещании с Гинкуловым, с его «Начертанием правил валахо-молдавской грамматики», С.-Петербург, 1840, стр. 572-574, где имеется «Роспись главным техническим грамматическим термином», пойти и далее своего предшественника.

12. Но в той же Трансильвании среди православного румынского духовенства наша «гражданка» и в 60-х годах прошлого столетия не была покидаема, и автор указанной выше румынской грамматики для немцев, Попович-Барчанц, сначала каждое румынское слово, каждую румынскую фразу, рассказ передает гражданкой, а потом уже латинским шрифтом.

13. Вследствие отсутствия латино-румынского шрифта в типографии буквы с *подстрочным* знаком замещаются их ординарными эквивалентами. Так буква **t** означает русское **т** и **ц**, **s** – **с** и **ш**. Дефект неизбежный.

Источник: Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССХХХVІІ. 1903. Июнь. СПб, 1903. С. 389-418.

КОЧУБИНСКИЙ Александр Александрович (22.X (4.11). 1845, Кишинев - 13 (26). 05.1907, Одесса) - филолог и историк. Сын священника. Учился в Одесск. гимназии при Ришельевском лицее, с 1863 по 1867- на ист.-филол. отделении Моск. ун-та (окончил со степенью канд.). Интерес к славяноведению пробудил у К. проф. рус. истории Н. А. Попов, занимавшийся также славистикой. В 1867-1869 К. - учитель гимназий во Владимире и Одессе. В 1869 командирован за границу для изучения организации средних школ в Германии и Австрии. С 1871 преподавал славян. филологию в Новорос. ун-те (Одесса). С 1873 магистр, доц. того же ун-та. В 1874-1876 в науч. командировке в славян. странах. С 1877 - д-р славян. филологии, орд. проф. Новорос. ун-та. В последующие годы неоднократно посещал западных и южных славян с научными целями. С 1878 - ред. «Записок Новорос. ун-та». Был также активным деятелем ряда науч. учреждений и о-в: О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва), ОИДР, Моск. археол. о-ва, Ученого о-ва в Константинополе, Чеш. королевск. о-ва наук, Чеш. акад. наук и искусств. Также один из основателей (1889) и наиболее деятельных чл. Ист.-филол. о-ва при Новорос. ун-те. Вклад Кочубинского в различные области славяноведения и по объему, и по научному значению неравноценен. По языкознанию он написал ряд работ, например: «Звук а - отличительнейшая черта серб. вокализма» (ФЗ, 1870, вып. 6; 1871, вып.1), «Как долго жил рус. супин?» (ФЗ, 1872, вып. 4), «К вопросу о взаимных отношениях

славян. наречий» (Т. 1-2. Одесса, 1877-1878, докт. дис.) и др. Критикуя теорию «протоэтнического первенства» серб. яз. среди славян., К. отдает это первенство рус. яз. Прародину славянства К. видел «между Карпатами и Дунаем» и полагал, что древние элементы сохранились в славянском языке пропорционально близости или отдаленности поселения соответствующих народов от этой области. Большое науч. значение имели труды по истории. Они касались двух основных сюжетов: развития рус. политики в вост. вопросе и истории Чехии. К первой проблеме относится канд. соч. «Сношения России при Петре I с юж. славянством и румынами» (ЧОИДР, 1872, кн. 2), соч. «Наши две политики в славян. вопросе» (ИБ, 1881, № 7-8), «На Босфоре в 1735 г.» (ВЕ, 1897, кн. 10), «Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции» (ЗНУ, 1899, т. 74, Уваровская премия 1900) и др. Хорошо знал источники и литературу по истории славян, ввел в науч. оборот новые архивные материалы. Составленная им «Карта расселения славян в IX в., в эпоху деятельности свв. Кирилла и Мефодия» (Одесса, 1885) имела большое значение для изучения древней истории славян. Самым крупным сочинением по истории Чехии является его магист. дис. «Братья подобо и чеш. католики в нач. XVII в.» (1873), написанная с использованием всех доступных по тому времени источников. Книга была единственной по указанной проблеме в рус. историографии. Статьи его по древней истории, ист. географии и этнографии славян «Литовский язык и наша старина» (1893; опубл. в кн.: Труды IX археол. съезда в Вильне..., т. 1. М., 1895), «О русском племени в Дунайском Залесье» (1887; опубл. в кн.: Труды VII археол. съезда в Ярославле..., т. 2. М., 1891), «Территория доист. Литвы» (ЖМНП, 1897, № 1) и др. представляют собой собрание филологических данных, разбор геогр. терминов, анализ славянских названий предметов домашнего обихода. К. исследовал здесь, в частности, вопрос о первых славян. поселениях в Европе. Наиболее ценными в творческом наследии К. представляются труды по истории славяноведения. Гл. из них монография «Начальные годы рус. славяноведения» (премия Макария за 1890). Сюда же относятся «Граф Сперанский и унив. устав 1835» (ВЕ, 1894, кн. 4), «Граф С.Г. Строганов. Из истории наших ун-тов 30-х гг.» (ВЕ, 1896, кн. 7-8), «В.И. Григорович в истории славяноведения» (ЗНУ, 1893, т. 59), а также биогр. работы об О.М. Бодянском, П.А. Лавровском, Ф. Миклошиче, Я.Ф. Головацком и др.; заметки и сообщения о М. Гаттале, К.Я. Гроге, М.А. Колосове и т. д. К этому же разделу следует причислить «Итоги славянской и русской филологии» (ЗНУ, 1882, т. 33).

Архив: ГА Одесск. обл. (ф. 158). Отдельные док. В ЦГИА СССР, ГБЛ, ЦГАЛИ, LAPNP (Прага), ACSAV (Прага).

Библиография: Кочубинский А.А. [Автобиографические сведения] // Маркевич А. И. 25-летие имп. Новорос. ун-та. Ист. записка... Одесса, 1890; Список печатных трудов А. А. Кочубинского // Сборник в память А.А. Кочубинского, изданный Ист.-филол. о-вом при имп. Новорос. ун-те. Одесса, 1909.

По материалам сайтов:

<http://bessarabia.ru/intel1.htm>, <http://www.wikiznanie.ru>